

6. *Сперанский М. Н.* Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV–XVI вв. (Из истории византийско-югославянско-русских связей) // Из истории русско-славянских литературных связей : сб. ст. М. : Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. С. 160–197.

В. А. Валитова (Екатеринбург)

Воссоздание «чудесной» действительности древних славян в XVIII – начале XIX в.: от баснословия к мифологии

Интерес российских ученых к древней истории своего народа появился – или, по крайней мере, начал реализовываться в научных трудах – во второй половине XVIII в. Первые серьезные попытки воссоздания и описания пантеона славянских языческих богов были предприняты в работах М. И. Попова и М. Д. Чулкова. В начале XIX в. разработку темы продолжили крупные сочинения Г. А. Глинка, А. С. Кайсарова и П. М. Строева. Примечательно, что два последних автора ставят под вопрос правильность подхода ученых-предшественников к сбору и обработке мифологических данных; во многом благодаря этому в последующих работах методология изучения славянской мифологии перешла на новый научный уровень.

Представление о «чудесном» в славянских сюжетах, дошедших до наших дней в основном в виде устного творчества, долгое время воспринималось как бессмысленные выдумки, созданные для развлечения. Тем не менее, как писал А. Н. Афанасьев, «и к чему народ стал бы беречь, как драгоценное наследие старины, то, в чем сам бы видел только вздорную забаву?» [1, с. 24]. Мир «чудесного» был для древних славян частью реальной действительности; приметы и суеверия – сводом правил к действиям, необходимым при встрече с «чудесным». А значит, изучение и воссоздание «чудесной» действительности фактически приравнивается к изучению и осмыслению истории – той древней ее части, о которой не сохранилось почти никаких документов и свидетельств.

М. И. Попов, автор первого¹ из перечисленных нами трудов по славянскому язычеству, оправдывает создание своего «Описания древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями» (1768), следующим образом: «сие собрание языческих Богов послужит <России> лишь к вящему прославлению, изъясняя чувственно глупую и смеха достойную языческую прелесть; а любящим наши древности подаст может быть некоторую забаву» [3, с. 11]. Он утверждает, что славянский пантеон по размеру не уступает греческому и римскому и что даже за неимением исторических документов с подробным описанием божеств сведения о них нельзя считать утерянными, поскольку их вполне можно восстановить. Большую часть «Предуведомления» в этой книге занимает описание самого явления славянского язычества – пришедшего, по мнению автора, на смену «врожденного в души <праотцов> познания о величестве неисповедимаго Творца вселенныя» [3, с. 7], – которое автор осуждает, ставя знак равенства между языческими верованиями и современными народными суевериями. Само «Описание...» представлено в виде словаря, где в алфавитном порядке перечислены как названия славянских «идолов», так и понятия, имеющие, по мнению автора, отношение к суевериям славянских народов.

Следующий по хронологии «Словарь русских суеверий» М. Д. Чулкова (1782) также включает в себя «Предуведомление», меньшее по размеру, но сходное по содержанию с «предуведомлением» Попова: сначала язычество, называемое «идолопоклонством», приравнивается к суеверию, которому часто подвержены в том числе и современные ученые, и осуждается, а затем автор обосновывает необходимость исследования: «чтоб к сим посмеяния достойным суевериям, частым воззрением на оныя произвести некоторое отвращение, и истребить оные вовсе» [5, с. 2]. В «Абевега русских суеверий», которая вышла спустя четыре года после «Словаря...» и является его дополненным и расширенным переизданием, «Предуведомления» уже нет. В «Словаре...» и «Абевега...» все понятия также перечислены по алфавиту.

Отметим, что причина написания этих трудов по баснословию видится нам не столько в обозначенном авторами желании «развенчать суеверия», сколько в попытках построить для русского народа «культурный фундамент». Со времен Петра I знание мифологии (греческой и римской) стало приметой образованности, мифология воспринималась в качестве опоры,

¹ Здесь мы не учитываем вышедший годом ранее «Краткий мифологический лексикон» Чулкова (СПб., 1767), поскольку «славянская» составляющая занимает в нем лишь малую часть и не отделена от прочих мифологий.

на которой строится культурная история народа. Образованные патриоты XVIII в. не могли не прийти к заключению, что упоминаемые в русских былинах и песнях «чудесные» персонажи вполне собираются в полноценный пантеон, способный соперничать с греческим и римским.

В «Древней российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1766) М. В. Ломоносова были предприняты первые неуверенные попытки реконструкции славянского «баснословия» по образу и подобию античной мифологии, которые нашли свое продолжение в работах Попова и Чулкова. Ставя на одну ступень славянский и греко-римский пантеоны, авторы фактически заявляют как минимум о культурной равноценности России и европейских стран. Выстраивая в некую стройную схему всех когда-либо упомянутых в устном народном творчестве «чудесных» персонажей и создавая таким образом теоретический пласт исследования, М. И. Попов и М. Д. Чулков параллельно воплощают свои теории в художественных произведениях, пытаясь воссоздать «чудесную» действительность древних славян в том виде, в каком ее понимают на данном этапе.

«Древняя религия славян» (1804) Г. А. Глинки значительно отличается от работ его предшественников, в первую очередь, акцентированной научной направленностью. Целью изучения славянской мифологии автор прямо называет попытку через составление «систематического описания сих богов» узнать ту часть славянской истории, которая не нашла отражения в дошедших до современности древних записях. Предметом исследования автор делает исключительно «баснобожие», отделяет язычество от суеверий, предпринимая попытки научного истолкования этого явления, а также заявляет, что верования различных народов зависят от образа жизни, который они ведут (мысль, которая не оспаривается до настоящего времени). Кроме того, в своей работе Глинка предпринимает попытку классификации, разделив богов (по аналогии с разделением в греческом пантеоне) на группы и отделив от них духов, полубогов и богатырей, а также священные озера и реки. Заметим, что вразрез с современным научным подходом идет свойственная автору склонность к домысливанию: Глинка сразу предупреждает, что добытые в исторических документах и памятниках народного творчества данные будет художественно дополнять собственными догадками.

Исследование еще одного автора начала XIX в., А. С. Кайсарова, изначально называлось «Versuch einer Slavischen Mythologie», было написано на немецком языке и опубликовано в Германии в том же году, что и книга Г. А. Глинки, а на русский язык переведено в Москве в 1807

и в 1810 гг. и издано под названием «Славянская и российская мифология». Работа содержит внушительное введение (в котором представлена теория мифа и его возникновения, история вопроса, критический обзор литературы, библиографический список) и создана в качестве информационного справочника для будущих исследователей «русских и вообще славянских древностей», чем близка к современным мифологическим словарям. Вступление разделено на шесть частей: вводное авторское слово и пять глав «о богоучении» («Происхождение богов», «Изображение богов», «Храмы», «Празднества», «Судьба славянской мифологии. Какие писатели занимались сим предметом»). В вступительном слове автор – вслед за А. Л. Шлёцером, впервые заявившем то же в 1764 г., – ставит проблему: «у россиянина в девятнадцатом веке нет еще совсем российской истории» [2, с. 13], поскольку ввиду ничтожного количества сохранившихся до нынешнего времени культурных и исторических памятников древности до сих пор не было возможности восстановить и описать дохристианскую жизнь древних славян. Однако, как и его предшественники, Кайсаров находит спасение в нематериальных источниках древности, собранных и изданных любителями старины (в том числе упоминается Н. В. Новиков с его сборниками славянских и русских сказок). В главе «Происхождение богов» Кайсаров предлагает логичное объяснение возникновения язычества; в отличие от Глинки, предполагавшего, что древние славяне все-таки почитали некое «Всевышнее Существо», «Бог богов», Кайсаров полагает обратное: «чтил <славянин> некоторые предметы, предлагаемые ему природою <...> он не примечал, чтобы существо, подобное ему, всем этим управляло» [2, с. 15]. В главе «Изображение богов» перечисляются и описываются некоторые найденные в разное время древние языческие идолы славянских народов, а также делается попытка соотнести их внешний вид с характером того божества, которое этот идол изображает: «наши предки довольно были искусны, умея даже чертами лица изображать характер божества <...> Необыкновенною величиною старались всегда выражать силу божества» [2, с. 20, 23–24]. В короткой главе «Храмы» автор по мере возможности («недостает у нас известий, чтобы распространиться о том несколько подробнее») описывает строения, предназначенные для поклонения языческим богам, по сочинениям датского летописца Саксона Грамматика и по каталогу Андрея Готтлиба Маша [6]. В главе «Празднества» впервые высказывает мысль, что многие современные народные праздники, распространенные в России, Польше, Литве, являются по своему происхождению языческими, и это можно проследить по сохранившимся обрядам и песням,

«в которых встречаются имена некоторых богов». В главе «Судьба славянской мифологии. Какие писатели занимались сим предметом» Кайсаров делает первый из известных нам критический обзор сочинений иностранных и отечественных исследователей славянской мифологии, от средневековья до современности. Из русскоязычных изданий называет «Словарь...» М. Д. Чулкова и «Описание...» М. И. Попова, а также «предостерегает» читателей от переведенной на русский язык франкоязычной книги «Religion der Moscoviten». Работу М. И. Попова называет «ошибочной и несовершенной»: «<в ней> находилось довольно пустого. Автор не упоминает даже об источниках, из которых он почерпал» [2, с. 44]. Но при описании славянских божеств Кайсаров нередко на нее ссылается, то опровергая ее сведения, то оставляя без комментариев. На художественную обработку данных, добытых в различных источниках, Кайсаров демонстрирует диаметрально противоположный взгляд, нежели Глинка: «где важны только истины, нельзя наговорить столько много нового, как там, где все основано только на догадках» [2, с. 48–49]. В качестве порядка следования статей в «Славянской и российской мифологии» избран алфавитный порядок – «как способнейший для легчайшего обозрения» [2, с. 49].

П. М. Строев в работе «Краткое обозрение мифологии славян российских» (1815) критически оценил труды предшественников, отметив, что первые исследователи «баснословия» не сумели отразить специфику славянской мифологии, записывая богов славян в один список с богами других народов. Кроме того, Строев предполагает, что большая часть «богов», кочующих из исследования в исследование, вообще не имеет отношения к мифологии, а их появление – следствие убежденности авторов в том, что славянская мифология не должна быть меньше греческой или римской: «для того старались заменить вымышленными, на словопроизводстве основанными именами тех богов, о коих не находили никаких известий» [4, с. 42]. В своем «обозрении» Строев «сомнительных» богов не рассматривает, а потому его работа значительно уступает по объему работам предшественников. Выполнена она в виде единого текста, не разделенного на «авторское слово» и алфавитный перечень статей.

Строев очерчивает ряд проблем, которые тормозят изучение российскими научными кругами «баснословия», и призывает последователей не повторять ошибок предшественников. Рекомендует разделять науку и фантазию, рациональное изучение на основе исторических документов и предметов – от художественного вымысла; четко отделять божеств славянской мифологии от богов пантеонов других народов; продолжать

накапливать материал для изучения, выискивая его в сохранившихся до наших дней произведениях устного народного творчества или памятниках древности. Кроме того, Строев считает, что необходимо создавать новые методики для изучения мифологии.

Фактически именно с работ А. С. Кайсарова и, в особенности, П. М. Строева в России начала свое развитие мифология как наука.

Список литературы

1. *Афанасьев А. Н.* Славянская мифология. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2008. 1518 с. (Гиганты мысли).
2. *Кайсаров Г.* Славянская и российская мифология. Изд. 2-е. М. : Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1810. [2], 211, [5] с.
3. *Попов М. И.* Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. [Б. м.] : Salamandra P.V.V., 2010. (Gemma magica : материалы и иссл. по истории магии и оккультизма ; вып. IV).
4. *Строев П. М.* Краткое обозрение мифологии славян российских. М. : Тип. Селивановского, 1815.
5. *Чулков М. Д.* Словарь русских суеверий. СПб. : Вольная тип. Шнора, 1782. 284 с.
6. *Masch A. G.* Die Gottesdienflichen Ulferfhumer der Obotriten, aus dem Tempel gu Rhetra. Berlin, 1771.

А. А. Мисочка (Екатеринбург)

Особенности русского бала XVIII – начала XX в.*

Русская бальная культура насчитывает более трех веков существования. Одной из составляющих ее национального своеобразия является связь с народной танцевальной традицией. Становление русского бала XVIII–XX вв. происходило в несколько этапов, определение которых и составит предмет исследования данной статьи.

* Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента Н. Б. Граматчиковой.

© Мисочка А. А., 2017